

А.В. Бауло

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: bau194@ngs.ru

БЕЗ ЛИЦА: СЕРЕБРЯНАЯ БЛЯХА С ВОСТОЧНЫХ СКЛОНОВ УРАЛА

Статья посвящена уникальной находке, происходящей из неизвестного могильника в бассейне р. Конды (Советский р-н ХМАО-Югры), – серебряной бляхе IX–X вв. Даны ее описание и первичная атрибуция. Отсутствие в погребении фрагмента бляхи с изображением головы (лица) мужчины позволяет предполагать его преднамеренное исключение из погребального инвентаря и последующее использование для изготовления фигуры умершего – вместилища его души. В приложении к статье дается трасологический анализ фрагментации бляхи во время погребального обряда.

Ключевые слова: *серебро, позолота, чеканка, гравировка, бляха, погребение, душа.*

Обстоятельства нахождения бляхи

В 2013 г. в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН поступил необычный предмет – разрезанная на пластины большая бляха. По рассказам «третьих лиц», она была найдена в верховьях р. Конды, недалеко от впадения в нее р. Эсс (Советский р-н ХМАО-Югры). Проводимые там лесозаготовки привели к разрушению тяжелыми тракторами культурного слоя неизвестного памятника, предположительно небольшого могильника, состоящего из нескольких погребений. Рабочие собрали только находки из металла: упоминаются бронзовые зооморфные браслеты, навершие ножа, несколько пронизей, большая бронзовая круглая бляха с изображениями медведя, рыб и двух змей. Данный состав инвентаря позволяет предположительно датировать могильник в пределах XI–XIII вв.

В одном из разрушенных погребений находились останки умершего, одетого в шубу из грубого черного ворса (возможно, медвежью). Поверх нее в районе груди лицевой стороной вниз равномерно лежали пластины серебряной бляхи (рис. 1, 2). Неподалеку располагалось место поклонения манси, опознаваемое по принесенным туда монетам. Подобное сосед-

ство непротиворечиво: еще К.Ф. Карьялайнен, соглашаясь с С.К. Паткановым, писал о связи большинства священных мест остяков с «древними поселениями» или «погребениями... потерявшими свое значение»

Рис. 1. Кондинская серебряная бляха.

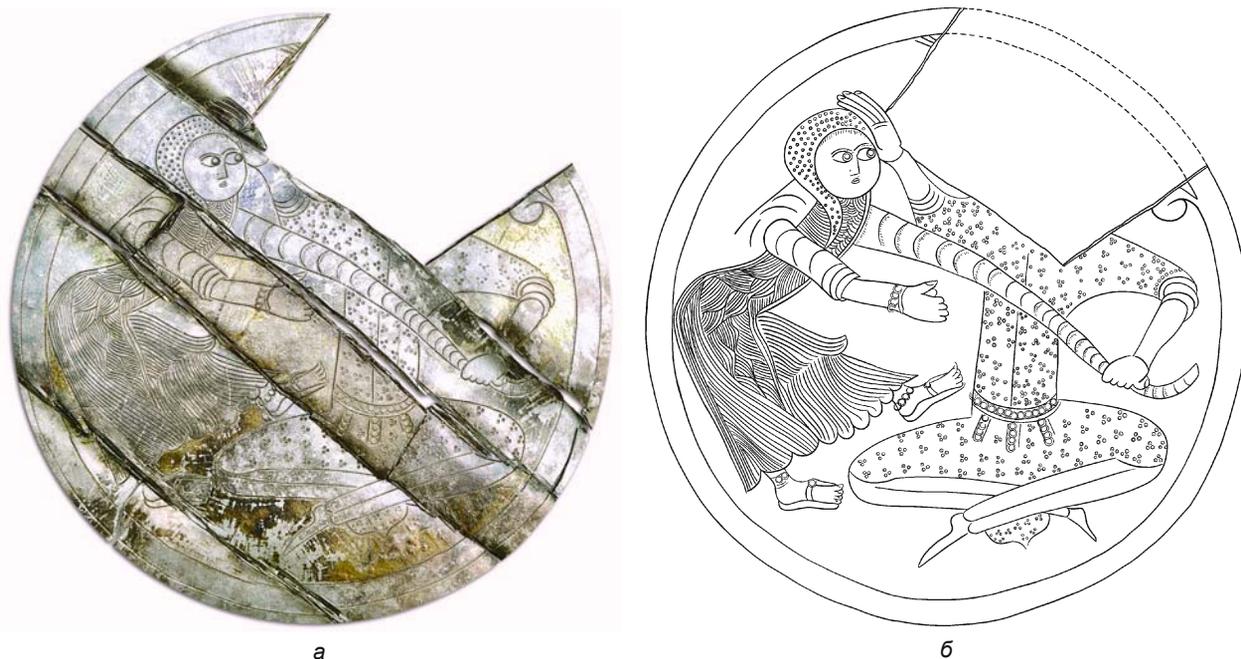

Рис. 2. Медальон кондинской бляхи: фотография (а) и прорисовка (б).

[1995, с. 65–66]. Необходимо уточнить, что остяки и вогулы видели в этих поселениях и погребениях древние памятники своих предков.

Можно предположить три этапа жизни бляхи. На первом в одном из квалифицированных ремесленных центров данный предмет был изготовлен путем расковки серебряного слитка и последующего вырезания ножницами круга. Сложно установить, что изначально представлял собой этот предмет: чашу, блюдо, плоский или выпуклый диск, бляху; неизвестны и исходные размеры. Однако, судя по сохранившимся пластинам, по пропорциональному соотношению диаметров бляхи и ее медальона, а также равной ее кромке, предполагаю, что первоначальные размеры изделия не были уменьшены: т.е. бляху не вырезали из большой чаши или блюда. Композицию на ее лицевой стороне выполнили с помощью золочения, чеканки и гравировки. В этом состоянии вышедшее из мастерских изделие было доставлено и продано (передано) его владельцу.

На втором этапе хозяином или по его заказу бляха была доработана: края предмета ударом чекана с оборотной стороны орнаментировали по кругу полоской крупных «жемчужин», пробили отверстие, к которому с помощью штырька прикрепили медную петлю для подвешивания (в ней сохранился кусочек кожаного шнурка). На третьем этапе – после смерти владельца – бляху разрезали на пластины (см. Приложение) и уложили в погребение. Скорее всего, мы имеем дело с широко известным по этнографическим материалам XIX–XX вв. у обских угров (древних насельни-

ков края) стремлением «умертвить» предмет, дабы он мог перейти в иной мир вместе с умершим хозяином (см. напр.: [Соколова, 1980, с. 132–133]). Фрагмент бляхи с изображением лица мужчины не был найден.

Описание бляхи и ее атрибуция

Диаметр бляхи ок. 17,5 см, медальона – 10,5 см, последний обведен бордюром шириной 0,5 см. Часть пластин выпуклые, остальные плоские (результат деформации в захоронении). На оборотной стороне рядом с краем бляхи (напротив левого локтя мужской фигуры) видны два следа от припоя: можно предполагать, что места с образовавшимися от времени трещинами пытались укрепить. В медальоне представлена сюжетная сцена: сидящий по-восточному мужчина левой рукой притягивает к себе за длинную косу склонившуюся женщину; правой кистью он касается головы женщины. Над левым локтем мужчины виден кусочек пальметты. Фон фигур покрыт позолотой.

Мужчина одет в халат с засученными рукавами и высокие сапоги с боковым швом. Халат украшен орнаментом из сгруппированных по три пунсонных кружков – мотив шкуры леопарда, известный в среднеазиатской тюрвентике IX–X вв. [Сокровища Приобья, 1996, с. 117]. Пояс передан узкой полоской с рядом кружков, имеет три подвесных ремешка.

Фигура женщины выполнена более тщательно. Она изображена в длинной плечевой одежде с короткими рукавами (возможно, хламида, туника, рубаха),

декорированной волнистыми и прямыми параллельными линиями, которые могут обозначать складки или полосатую ткань; подол обозначен фестонами. Шея закрыта воротом одежды. На голове плотно облегающий головной убор в горошек, возможно, платок или шапочка; из-под него видны волосы, переданные косыми насечками. Ноги обуты в сандалии на толстой подошве с узким ремешком, украшенным большой круглой пуговицей. На щиколотках и запястье правой руки – браслеты, переданные кружками. Лицо женщины круглое, у нее миндалевидные крупные глаза с большими зрачками, длинные тонкие соединяющиеся брови, прямой нос, маленький рот. Из-за спины перекинута толстая длинная коса, перевязанная лентами.

Сюжет, изображенный на бляхе, определить сложно, в т.ч. и по причине отсутствия важного фрагмента с головой (лицом) мужчины. Самое простое толкование сводится к демонстрации сцены насилия, которая также может быть понята по-разному*. В частной переписке М.Г. Крамаровским было высказано предположение о том, что мужчина тянет женщину не за косу, а за левый рукав ее одежды. Однако эта версия мне не кажется правдоподобной. Во-первых, обратим внимание на то, что полоска волос под головным убором женщины и левая бровь переданы косыми насечками – таким же способом декорированы не менее 14 поперечных «лент» косы, т.е. она показана «волосатой». Во-вторых, если все же тянуть рукав, то его нижний кончик, после места, схваченного левой рукой мужчины, должен безвольно висеть вниз, а он направлен вверх. В-третьих, в сужающемся «рукаве» не видно утолщения от кисти руки.

На лицевой (за пределами медальона) и оборотной сторонах изделия нанесены гравированные рисунки, которые, к сожалению, плохо читаются. Предполагаю, что они выполнены уже на Урале. Из очевидных следует упомянуть изображения птицы, двух голов животных (волк?), спиралевидную фигуру.

Бляха имеет сходство в приемах передачи реалий с тонкостенной кованой чашей IX в. (урало-венгерский центр) близкого размера (диаметр 18 см), найденной на оз. Нанто у р. Юрибей: у изображенного на ней всадника высокие сапоги с боковым швом, одежда украшена орнаментом из сгруппированных по три пунсонных кружков. Медальон окружен узким пустым бордюром [Там же, с. 114–117; Сокровища Приобья, 2003, с. 53]. В сапогах с разрезом показан мужчина с бобрим на ковше из пос. Шурышкары (ЯНАО) [Бауло, 2011, кат. 384], датированном Н.В. Федоровой IX–X вв. [2013, с. 155]. Пояса в виде узкой полоски с рядом кружков и тремя подвесными ремешками известны по фрескам Самарры (Ирак) и Лашкари Базара (Афганистан); такие же поя-

са у двух фигур на ковше XI в., найденном у пос. Шурышкары [Сокровища Приобья, 1996, с. 85–89]. Валиками переданы окончания рукава у женских фигур на бляхе и ритоне (Средняя Азия, конец VIII – первая половина IX в.) [Бауло, Маршак, 2001]. С длинной косой изображены женщины на чаше из Слудки Пермской губернии (Кабулистан, VIII в.) [Marschak, 1986, Abb. 185]. Практически круглое женское лицо, схожие орнаментальные мотивы в одежде (точки и «чешуя») показаны на сохранившемся фрагменте блюда (поливная керамика) X в., найденного в Афрасиабе (Узбекистан) [Пугаченкова, 1986, с. 207]*.

Таким образом, по совокупности дат аналогичных изображений можно предложить время изготовления бляхи из бассейна Конды в рамках IX–X вв. Место ее производства однозначно определить сложно; в широком смысле это, скорее всего, восток Европы. По мнению Н.В. Федоровой, в IX–X вв. здесь сформировалось много различных групп мастеров: для них тесные контакты с городскими центрами Волжской Болгарии, а до того с Хазарией явились мощным толчком для развития собственной художественной традиции [2013]. Следует указать, что кондинская бляха имеет более выраженный акцент на южную, среднеазиатскую специфику, выражающуюся, в частности, в таких деталях, как восточная поза мужчины и сандалии женщины; к ранее неизвестным необходимо отнести сюжет представленной сцены и необычное (круглое) лицо женщины.

Древняя *иттерма*?

Кондинская бляха – уже вторая, найденная в виде разрезанных пластин. В фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (г. Салехард) хранятся семь узких пластин, составляющих остатки центрального медальона серебряного блюда с изображением всадника (урало-венгерский центр, IX в.). Первоначально высказывалось мнение о том, что медальон был разрезан на узкие полосы для изготовления рыболовных блесен теми, кто его нашел [Сокровища Приобья, 1996, с. 120]. В более поздней публикации об этом уже не упоминалось, а медальон предположительно был отнесен к комплексу погребения из могильника Хето-се на юге п-ова Ямал [Сокровища Приобья, 2003, с. 57]. Вторая версия представляется предпочтительной, поскольку она позволяет в смысловом отношении объединить обе находки, происходившие именно из захоронений.

Убежден, что недостающего фрагмента кондинской бляхи в погребении не было. Предмет «умертви-

*См. статью М.Г. Крамаровского в данном номере журнала.

*Благодарю Л.Н. Ермоленко за указание на данный источник.

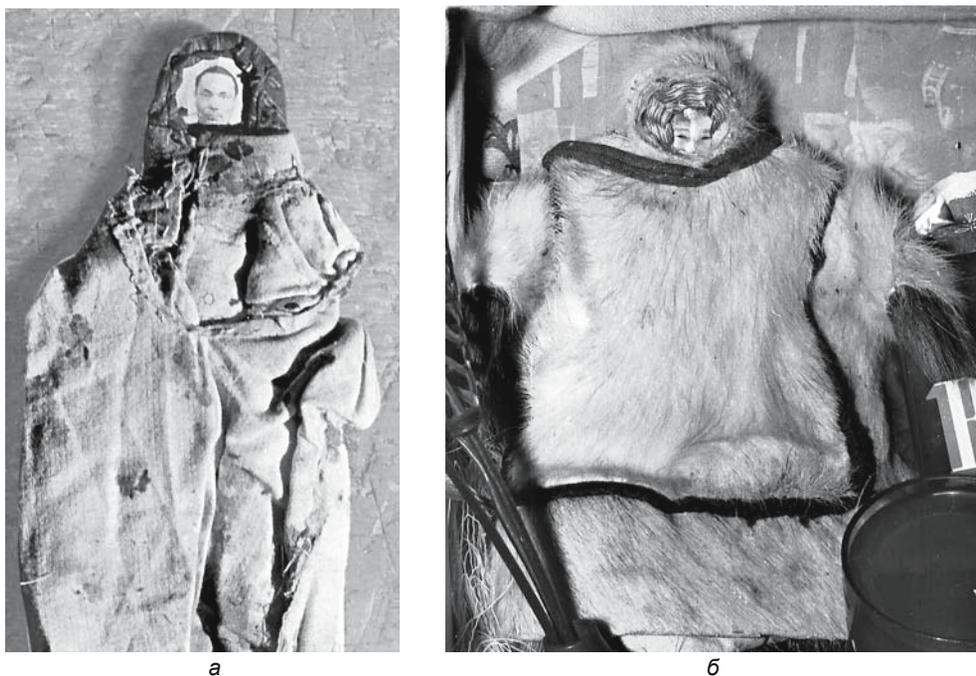

Рис. 3. Фигуры *уттерма* – временного вместилища души – с фотографиями лиц умерших. Березовский район ХМАО-Югры, пос. Хурумпауль, 1983 г. (а), пос. Ломбовож, 1985 г. (б). Манси.

ли», разрубив его на пять продольных пластин, после чего из крайней правой пластины вырубил центральную часть с головой (лицом) мужчины (хорошо виден недорубленный уголок около мужской кисти на оставшемся фрагменте бляхи с петлей). Для чего это сделали? Можно предположить, что при жизни обладатель бляхи отождествлял себя с представленным на ней мужским персонажем, так же, видимо, считало и его окружение. После смерти владельца его «портрет» был изъят из погребального инвентаря, скорее всего, с определенной целью – чтобы сделать посмертное изображение – вместилище души. В поздней этнографической практике обских угров подобный феномен, связанный с изготовлением фигуры покойного – временного вместилища одной из его душ (*уттерма*, *уттарма*), – известен, как минимум, с начала XVIII в. [Новицкий, 1941, с. 52].

Традиция изготовления подобных фигур могла существовать еще в эпоху средневековья: упомяну антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв., найденные на археологических памятниках в окрестностях Сургута. По информации К.Г. Карачарова, известно не менее 10 предметов, представлявших собой сложную конструкцию: основу составлял плоский каркас из прутиков, объем фигуре придавал набитый внутрь мох; к куклам были приложены (пришиты) бронзовые или деревянные личины. Исследователь предложил интерпретировать эти находки как изображения умерших, причем наличие на некоторых из них прядей волос, по-видимому, свидетельствует о связи

фигуры с конкретным лицом [Карачаров, 2002]. Возможно, подобную «куклу» изготовили и для покойного кондинского мужчины, только в данном случае ее лицо обозначалось с помощью специально вырезанного фрагмента серебряной бляхи.

По этнографическим данным, изображения мертвых (*уттерма*, *уттарма*) в XVIII–XX вв. характерны для северных групп хантов и манси (см., напр.: [Гемев, 1990; Соколова, 2009; и др.]), но самое главное: у ляпинских манси зафиксирована традиция прикладывания (пришивания*) к фигуре *уттерма* фотографии лица умершего человека [Гемев, 1990, с. 209] (рис. 3). Столь близкое смысловое сопоставление (фрагмент бляхи с лицом – фотокарточка с лицом) при версии возможного использования фрагмента бляхи для изготовления посмертного вместилища души позволяет осторожно высказаться в пользу угорской принадлежности погребального комплекса, обнаруженного в верховьях Конды. Не противоречат этому и упомянутые выше бронзовые зооморфные браслеты, навершие ножа, и прежде всего большая бронзовая круглая бляха с «угорским» сюжетом т.н. медвежьего праздника.

*«... Фигурки *уттерма*... Иногда к ним пришивают вырезанные из фотографий лица. У моих родственников такие фигурки есть. Я пришила к ним, вынули священный ящик, поставили на стол, поставили перед ними рюмку и пищу. Их кормят раз в год. Держат в доме» (Р.П. Хозумова, пос. Хурумпауль, Березовский р-н ХМАО-Югры. Полевые материалы И.Н. Гемеева. 1983 г.).

Бронзовая бляха с изображениями медведя, рыбы и двух змей

Бляха представляет собой круглый массивный бронзовый диск диаметром 9,2 см, по контуру украшенный кантом из крупных «жемчужин» (рис. 4)*. В крае изделия пробито отверстие, к которому посредством штырька прикреплена медная петля для подвешивания. Центральное место на лицевой стороне занимает «распластанная» фигура медведя, перед головой которого лежит крупная рыба; по бокам изображены две змеи с раскрытыми пастьми.

С одной стороны, перед нами бляха, выполненная в известном зверином стиле с узнаваемой сценой угорского праздника, когда перед головой убитого медведя в качестве угощения кладут рыбу. С другой стороны, «медвежий» сюжет здесь достаточно специфичен. Во-первых, непривычна поза медведя с подтянутыми к животу задними лапами (возможно, она обусловлена необходимостью вписать фигуру в круг). Во-вторых, змеи изображены в нетипичных для звериного стиля позах: в бронзовых отливках Урала и севера Западной Сибири они обычно показаны свернувшимися в спираль [Бауло, 2011, кат. 387; и др.]. Тулова же обеих змей на бляхе связаны в кольца, что больше характерно для восточных сюжетов: подобным образом показана змея на чаше с изображением льва, опубликованной в «сасанидском отделе» атласа Я.И. Смирнова [Смирнов, 1909, кат. 97], восточно-иранской чаше X в. из с. Укан (Удмуртия) [Там же, кат. 132; Marschak, 1986, Abb. 129], блюде с изображениями человека и животных (Волжская Болгария, XI в.) [Сокровища Приобья, 2003, кат. 23]. Бляху можно датировать в пределах IX–XI вв.

Таким образом, перед нами бляха, сочетающая сибирские (угорские) и южные (восточные) черты. В этом смысле она сближается с известной бронзовой бляхой с изображением стоящего филина [Древние бронзы..., 2000, кат. 28] – фактической копией медальона серебряного блюда [Бауло, Маршак, Федорова, 2004, с. 108]. Полагаю, что не случайно подобные образцы имеют форму круглого диска с кантом «жемчужин» по краю – перед нами своеобразное подражание медальонам серебряных блюд.

Заключение

В неизвестном погребальном комплексе в верховьях р. Конды в мужском захоронении была обнаружена разрезанная на пластины бляха, датируемая IX–X вв.

*Фотография бляхи, оказавшаяся в нашем распоряжении, к сожалению, невысокого качества, что привело к необходимости опубликовать ее в виде рисунка.

Рис. 4. Бронзовая бляха с изображениями медведя, рыбы и двух змей.

Место ее производства в широком смысле определено как восток Европы, при этом в ее сюжете видны южные, среднеазиатские, черты (восточная поза мужчины, сандалии женщины). К необычным деталям бляхи отнесен сюжет представленной сцены и круглое лицо женщины. Отсутствие в захоронении фрагмента бляхи с изображением головы (лица) мужчины позволяет предполагать его преднамеренное исключение из погребального инвентаря и последующее использование для изготовления фигуры умершего – вместилища его души.

Благодарности

При подготовке статьи я пользовался консультациями и советами А.А. Богордаевой (ИПОС СО РАН), Л.Н. Ермоленко (КемГУ), М.Г. Крамаровского (Отдел Востока Государственного Эрмитажа), А.Г. Козинцева (МАЭ РАН), Н.В. Федоровой (ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»); выражаю им глубокую признательность. Благодарю Г.К. Ревуцкую (ИАЭТ СО РАН) за очистку и реставрацию изделия, М.О. Елисееву за выполненные рисунки.

Список литературы

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.

Бауло А.В., Маршак Б.И. Серебряный ритон из хантыйского святилища // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 133–141.

Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В. Серебряные блюда с реки Войкар // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 107–116.

Гемуев И.Н. Мироззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Древние бронзы Оби: Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Сургут: Изд-во Сургут. худож. музея, 2000. – 28 с.

Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 26–52.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Т. 2. – 282 с.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остяцком. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. – 107 с.

Пугаченкова Г.А. Шедевры Средней Азии. – Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Гафура Гуляма, 1986. – 224 с.

Смирнов Я.И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения,

найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: Изд. Имп. археол. комиссии, 1909. – 18 с., 300 табл.

Соколова З.П. Ханты и манси (похоронная обрядность) // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 125–143.

Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

Сокровища Приобья. – СПб.: Формика, 1996. – 228 с.

Сокровища Приобья: Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – 96 с.

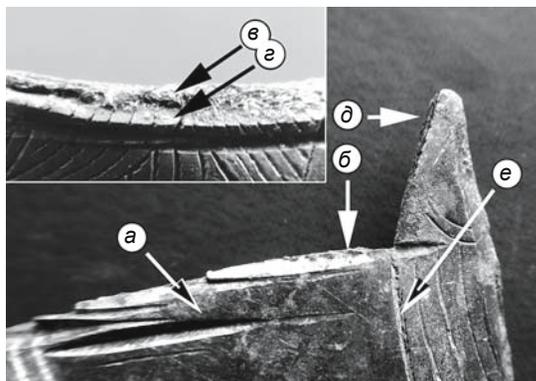
Федорова Н.В. Ковш с изображением человека, держащего на коленях бобра // Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков: Десяносто девять имен Всевышнего / сост. Г. Ласикова. – М.: Изд. дом Марджани, 2013. – С. 152–155.

Marschak В.І. Silberschätze des Orients: Metallkunst des 3. – 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986. – 438 S.

Приложение

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛЕДОВ ФРАГМЕНТАЦИИ

Изучение изделия, проводившееся с помощью бинокулярного микроскопа при увеличении от 8 до 80 крат, позволило определить последовательность и особенности его фрагментации. Выявлены следы применения только одного инструмента – ножа. Использовался заостренный участок его лезвия, примыкающий к жалу клинка, длиной порядка 10–15 мм.

Следы работы ножом при подготовке бляхи к фрагментации и разлома изделия (описание см. в тексте).

На обеих поверхностях бляхи следы предварительной разметки участков фрагментации путем процарапывания не выявлены. Линии будущих разломов были намечены достаточно глубокими насечками ножом с лицевой стороны предмета. Эта операция производилась, вероятно, путем установки на поверхность бляхи режущей кромки ножа и удара по обушковой части его лезвия, что приводило к образованию характерных углублений (*а*; здесь и далее см. рисунок). Ряд таких последовательно расположенных насечек образовывал линию будущего разлома (*б*). Их глубина достигает половины толщины изделия (*в*). Образовавшиеся после работы ножом линии облегчали переламывание артефакта по намеченному плану его фрагментации, что осуществлялось путем сгибания изделия лицевой стороной наружу (*г*). Следы неоднократного перегибания не выявлены. В отдельных случаях переламывание вело к фрагментации изделия (*д*) по линиям ранее нанесенного орнамента (*е*). Работа с артефактом при насечке линий разлома производилась, вероятно, на ровной упругой поверхности; переламывание – на весу (без упора).

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН

Материал поступил в редколлегию 15.05.13 г.